

ПАСТЫРЬ НАЧАЛА XX ВЕКА

РАССКАЗЫ О СТАРОМ НОВГОРОДСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ

Очерк первый

МЫ ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ «РАССКАЗЫ О СТАРОМ НОВГОРОДСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ» — ОСОБЕННОЙ КАТЕГОРИИ ЛЮДЕЙ, ЧЬЯ ЖИЗНЬ ПРИШЛАСЬ

НА СТЫК ДВУХ СОВЕРШЕННО РАЗЛИЧНЫХ И ВРАЖДЕБНЫХ ЭПОХ. ЧЬЕ СЛУЖЕНИЕ ЯВИЛОСЬ ИСПЫТАНИЕМ, СТРАДАНИЕМ И ГОЛГОФОМ.

МЫ ХОТИМ СКАЗАТЬ ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ СЛОВО О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ ИЗБРАЛИ СВОИМ ЖИЗНЕННЫМ ЖРЕБИЕМ СВЯЩЕННИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ. ЭТО РАССКАЗ О СТАРОМ НОВГОРОДСКОМ

ДУХОВЕНСТВЕ XIX — I ТРЕТЬЕЙ XX ВЕКА. О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ ЯВЛЯЛИСЬ, ПО СЛОВУ ЕВАНГЕЛИЯ, «СОЛЮ ЗЕМЛИ» И «СВЕТОМ МИРУ».

«Жизнь священника есть постоянная борьба с самим собою, с своими страстями, с соблазнами, с заблуждениями пастыря и с врагами, которые всегда найдутся... священнику ставится в непрестанный порок то, что мирянин люди не ставят в упрек».

(Свящ. Н. Г. Богословский. «Взгляд с практической стороны на жизнь священника. Письма отца к сыну». СПб, 1860 г.).

Огромное пространство Новгородской епархии к началу XX века насчитывало около 800 приходов. И в каждом был свой пастырь — Человек, объединявший жителей прихода, будь то небольшая сельская церковь или величественный городской собор.

Думается, одной из отличительных черт старого русского клира являлся присущий ему труд. Пастырь начала XX века находился в совершенно иных жизненных условиях, нежели нынешний. Большинство дореволюционного духовенства составляли сельские священники, чья жизнь являлась жизнью рядового члена крестьянской общины и не имела каких-либо привилегий. Не располагая зачастую никакой собственностью (в большинстве своем семьи церковнослужителей жили в казенных церковных домах), они в поте лица вынуждены были добывать свой кусок хлеба. Большая семья и хозяйство требовали непрестанного приложения сил. Особенно на земельном участке. И если крестьянин имел возможность отдышка в воскресенье и праздник, то для пастыря они являлись днями самого напряженного труда. Это службы в приходском храме, требы и обходы с крестными ходами прихода и каждого дома. Нередко поселения прихода находились на значительном удалении от церкви. И в дождь, и в распутицу, и в зной шел священник со своей пастырской сумкой и крестом, с четкой иконой, с молебном во время эпидемий и стихийных бедствий, шел с причастием и таинственным словом. А ведь свои дела стояли. Их нужно было выполнять. И лишь очень и очень немногие могли позволить себе беззаботную жизнь, подобную изображенной на картинах передвижника В. Перова.

Скудного жалованья, получаемого от церковного служения, не хватало. Поэтому, чтобы обеспечить себе дополнительный доход и средствами к существованию, церковнослужители нередко занимались выполнением работ на стороне, причем порою такие «черные» и малооплачиваемые виды работ, от которых отказывались даже крестьяне. Очень многие из клириков отправлялись в свободное время на извоз, на разгрузку, чем подрывали свое здоровье. Потому среди них распространена была смерть в самом молодом возрасте (30—40 лет).

Священник, как правило, всю жизнь служил на одном приходе. Он отлично знал своих прихожан и их нужды. Священник был для прихода всем: и вероучителем, и агрономом, и юристом, он являлся главным доверенным лицом прихода. Священник выступал защитником и ходатаем за свою пастырьскую общину, с которой делил все выпавшие ей радости и горести. Не редкостью были в дореволюционных Новгородских Епархиальных Ведомствах письма духовенства с просьбой помочь погорельцам своего прихода, крестьянам деревни, угоды которой вышло градом, или бедствующей семье. Нередки были и обращения духовенства о помощи своему собрату или семье,

оставшейся после его смерти без средств к существованию. Ибо в большинстве своем церковнослужители жили крайне бедно.

Служение пастыря являлось подвигом. Он был «светом миру», зачастую единственным лицом, несшим просвещение народу. Многочисленны примеры того, как совершенно безвозмездно на свои скромные средства и в своих домах священники открывали школы для детей и обучали их грамоте, когда земских школ не было еще и в помине.

Священник, особенно сельский, был единственным просветителем в своей местности. Деятельность его направлена была по большей части на борьбу с суевериями, лжянством и сектанством. Священник должен был обладать обширным практическим опытом, ибо к нему обращались за советом прихожане и часто в самых запутанных вопросах.

Пастырь являлся не только врачом душ, но и за отсутствием врачей — лекарем телесным. Иены священников несли на своих плечах все тяготы хозяйства и большой семьи. Нередко их умение вести домашнее хозяйство становилось образцом, на который ориентировались и в котором черпали для себя новое крестьяне прихода.

Просветительская роль духовенства сказалась и в создании священниками Новгородских музеев и в активном сборе в 1910-е годы церковных древностей: икон, книг, утвари из первой губернии для Новгородского Архиепископского епархиального Древле-хранительца.

Сейчас совершенно забыто то, что священство принимало самое активное участие в общественной жизни. Многочисленны примеры, когда, не получая поддержки от одесельцев, а часто сталкиваясь с безразличием и противодействием, священники боролись с нелегальными мироедами, открывая кредитные товарищества для крестьян. Они же основывали пожарные дружины и многое другое, что являлось средством и значительному улучшению крестьянской жизни.

Священник был лицом прихода. По его многолетнему служению можно было видеть на примере прихода успех или неудачи его деятельности. Поэтому недаром сложилась поговорка: «Наков поп — таков приход».

Но прежде всего священник был молитвенником о своей пастырской общине. Без его благословения не совершались сколь-нибудь значительные события в жизни и быте русского человека. Ведь храм на огромном аграрном

пространстве России начала века являлся по сути единственным местом, где человек слышал живое духовное слово. Храм был колыбелью нравственности и учености, из которой вышло большинство выдающихся и замечательных деятелей Отечества. Храм представлял тем «сакральным» местом, от которого начинался и которым оканчивался путь человека; и в нем, в этом храме, освещалась и получала свое логичное последовательное развитие человеческая жизнь.

Духовенство десятилетиями, поколениями являло и передавало глубокую пастырскую традицию, литургический опыт. Опыт этот замечательный и поучительный, ибо он был испытан жизнью и временем. И можно лишь сожалеть, что ныне он остается невосстановленным. А сколько полезного в нем мог бы почерпнуть для себя нынешний пастырь!

Духовенство русское в своей массе было династичным. Нередко место отца-священника занимал сын, что являлось традицией и самым благотворным образом влияло на жизнь местного прихода. Отец готовил сына к церковному служению с колыбели. И в этом была преемственность.

В истории Новгородской епархии навсегда останутся фамилии священнических династий Беляевых, Финиковых, Сперских, Борисовых и многих других, чьи поколения прошли через свою АЛЬМА МАТЕР — Новгородскую Духовную семинарию. Немало явилось среди них выдающихся личностей: свящ. Николай Богословский, Анатолий Конкордин, Александр Ваучский, Павел Тихомиров, Гаврил Красильский и др., деятельность которых была явлением не только церковной, но и общественной, и культурной жизни того времени, не говоря уже о черном духовенстве, а равно и об особой категории военных и морских священников, рассказы о которых являлись темой отдельного разговора.

Еще одной отличительной чертой старого духовенства на наш взгляд, являлось непрестанное его памятование о Пастырском долге. Нередко добывая по бедности и в распутицу до нуждовавшихся в требе, священник подвергал свою жизнь смертельной опасности. По первому зову шел он с причастием и словом утешения к безнадежно больному или умирающему человеку, подвергаясь опасности от него заразиться. Но того требовал его пастырский долг. Тот великий долг, который определял жизнь священника, определял его призвание и жребий. Тот долг, преступив чрез

который, священник нарушил бы обеты, данные им при рукоположении, неминуемо приходило для него, призванного носить «тяготы других». Потому нередко бывали случаи гибели священников при выполнении ими пастырского долга.

Основной заботой священника являлся храм и его «благоустройство». Пастырь неотлучно находился при храме и покидал место своего служения в исключительных случаях. Всем миром собирались деньги на ремонт, на постройку новой церкви вместо обветшавшей, на приобретение икон и утвари. И здесь успех зависел от личных качеств священника. Было, что в больших и богатых приходах храмы стояли с обвалившейся штукатуркой и протекавшими кровлями. И наоборот — в глухих и малолюдных местах поднимались величественные соборы.

При церквях лучшими представителями духовенства велись летописи замечательных событий, создавались библиотеки. В епархиальных и гражданских изданиях публиковались собираемые клиром описания истории приходов. Ибо было главное: была любовь к месту, на котором стоял твой единственный храм, была любовь к его святыням, к его традициям, к людям, которые веками жили на этом месте. И прежде всего, любовь к своему служению. Было то неизбежное для русского человека чувство горечи, вселенское чувство рода, связывающее воедино живых и умерших, без которых все моментально обесценивалось, теряло смысл и разрушалось.

Думается, разрушение это началось не вдруг, и не в 1917 году, как ныне нам преподносится, а гораздо раньше. Мы не будем вдаваться в его причины, но скажем лишь, о том, что в итоге поспешно произошло разрушение традиций, разрушение духовной основы жизни, повлекшее за собой бесчисленные горести и беды. В результате гонений и репрессий старое Новгородское духовенство почти полностью было уничтожено в конце 1930-х годов. Эти годы навсегда останутся кровавой отметиной, водоразделом и Голгофой в истории Новгородской епархии и всей Русской церкви. Этими годами закрылась последняя страница в истории местных старинных родов Новгородского клира. За ними — окончание многих церковных традиций, определявших существование Новгородской культуры. Старое духовенство навсегда унесло с собой старый мир Новгорода и губернии, строй и уклад прежней русской жизни.

Ныне пришло время вспомнить их благородный пастырский путь, их труды, их подвиги и святопочувствительное, засвидетельствовавшее любовь к Богу, народу и Церкви. Долгое их забвение обусловлено было деятельностью советского атеистического общества, всеми средствами вытравливающего память о них; когда даже их дети вынуждены были скрывать свое происхождение. Ибо их отцы были «врагами народа».

Самым много прошлым временем — жизнь трех поколений. Слишком много было бесстыдства. Потому черны наши будущие фрагментарные мемуары, исполнены. Ибо они составлены из воспоминаний последних свидетелей жизни прежних новгородских пастырей. Но пусть станут они благодарным неувлажненным венком вечной памяти, принесенным на их вдовью и неведомые могилы.

Сергей МОИСЕЕВ.

НА СНИМКЕ: священники братья Виктор, Павел, Александр и Владимир Беляевы с женами. Начало XX века.

Репродукция Е. Гордюшенкова.